

Мыс Носаппу.
На столбе надпись
«Верните острова»

Анна АРТЕМЬЕВА — «Новая»

Родина

и немного суши

Японцы хотят вернуть не столько острова и море вокруг них, сколько могилы предков. Чем дальше на юг, тем меньше они говорят о проблеме «северных территорий»

«Как японец всегда понимал Японию? Он путешествовал по острову, подходил к его краю и видел через туман следующий остров. Вот и на Хоккайдо японец подходит к берегу и видит следующий остров, и ему в голову не может прийти, что это уже Россия, потому что так эта страна устроена», — объясняет Анна Жабина, которая уже четыре года работает учителем русского языка в старшей школе Немуро.

От мыса Носаппу на восточном краю острова Хоккайдо до Кайгары, ближайшего островка из группы Хабомаи, нет и четырех километров. Но ни вплавь, ни на лодке их не преодолеть — застрелят российские пограничники. В сентябре 1945 года Кайгару и все Хабомаи оккупировал Советский Союз. С тех пор они даже называются по-другому — островом Сигнальный и Малой Курильской грядой.

В 8 утра в морозную февральскую субботу в автобус, идущий до Носаппу из ближайшего к нему города Немуро, кроме нас с Анной, сели сразу шесть японских туристов.

Ехали они на край Хоккайдо с единственной целью — посмотреть на Хабомаи и остров Кунашир (до него около 60 километров, но в хорошую погоду с мыса он тоже виден). Ни рестораны, ни специально построенная для любования островами 90-метровая Башня ностальгии в этот день не работали. Зато был открыт сувенирный магазин, его хозяин рассчитал снег, которого зимой на Хоккайдо очень много.

Разговаривать на внешнеполитические темы он не хотел, лишь признался, что уже не верит в возвращение островов.

— Вы, наверное, не любите русских? — предположил я.

— Почему же? — удивился вопросу японец — Вся музыка, которую я люблю, русская. Стравинский, Мусоргский, Чайковский...

На мысе Носаппу у асимметричной арки памятника «Мост к четырем остро-

вам» всегда горит огонь, который задуют, только когда Япония получит острова. Все здесь сделано по-японски обстоятельно: на асфальтированной площадке на краю земли стоит столб с надписью на японском языке: «Верните северные территории», под ногами наклеена карта спорных островов. Около каждого нарисована стрелочка, помогающая определить, где какой.

Туристы, приехавшие на Носаппу на автобусе, бродили по набережной, то и дело надолго застывая у парапета и всматриваясь в абсолютно плоскую поверхность островов Хабомаи и 886-метровый вулкан Менделеева на Кунашире.

Но нет, они не плакали. «Слезы в Японии табуированы. Если вы видите, что кто-то плачет, то либо это кино снимают, либо перед вами сумасшедший, либо происходит что-то выходящее за пределы, — рассказывала мне позже Анна.

Остров Джованни

Анна впервые увидела плачущего японца в 2008 году, когда оказалась на Хоккайдо в составе российской молодежной делегации на саммите «Большой восьмерки». «Мы были на встрече с японскими репатриантами с Курильских островов, и в какой-то момент у одного дедушки полились слезы. Он просил найти его подругу Таню, с которой он расстался, когда ему было 4 года. Можно списать это на его возраст? Он так привязан к территории? Или к детству? Можно ли это разделить?» — рассуждает она.

Этого японца зовут Хироси Токуно. Про его жизнь сделали мультфильм «Остров Джованни» (он участвовал в конкурсной программе ММКФ 2014 года). Токуно-сан был совсем маленьким, когда его родной остров Шикотан «оккупировала» (в советской и российской терминологии — «освободила») Красная армия. 1 сентября 1945 года на остров внезапно высадились 600–700 советских солдат. «Нас было 200 человек,

в основном дети, женщины и старики, поэтому поселок оказался практически заполнен советскими солдатами», — рассказывает Токуно-сан.

С японцами не церемонились: советские военные забрали себе большинство строений, родителей Токуно-сана отправили жить в кладовку. В их дом въехал офицер Красной армии, в дочку которого японский мальчик и влюбился.

— Вы потом искали Таню? — спрашиваю я японца.

— Мне предложили, когда мне было 75 лет, но в таком возрасте зачем искать? Если встретимся, то что [нам делать]? Мы же уже старики!

Токуно-сан впадает в ностальгические воспоминания о прошлом и, смеясь, рассказывает, что первым русским словом, которое он узнал, было слово «***» [мужской половой орган]. «Еще советские люди привезли машины, и я в первый раз тогда увидел автомобиль. Дорога для них была плохая, поэтому русские начали строить новую, используя как фундамент наши соломенные мешки, в которых мы хранили рис. Они клали их туда прямо вместе с рисом, и когда я это увидел, то сильно обиделся. Такое делать нельзя», — говорит Токуно-сан с таким возмущением, будто дорогу закончили строить вчера.

Для любого японца рис — это святое. Отец Токуно-сана, лейтенант японской армии, после капитуляции в августе 1945 года вернулся на родной Шикотан. «Армия оставила на острове большой запас риса и передала его моему отцу на управление. Так мы и выжили: ели рис, рыбу ловили, выращивали овощи», — рассказывает сын. Потом отца арестовали, обвинили в военных преступлениях, но почему-то отпустили в Японию.

Активного сопротивления занявшим остров русским японцы не оказывали. Солдаты, которых на острове перед приходом советских войск, по словам Токуно-сана, было около 2 тысяч человек, ушли в горы (их потом арестовали и отправили в советские лагеря на материке). Если у детей, рассказывает Токуно-

сан, не было к русским неприязни, то взрослые испытывали страх и стыд из-за того, что были слишком слабы, чтобы сопротивляться.

Большинство жителей Шикотана и других островов боролись со стыдом тем, что ночью или в шторм (чтобы по ним не стреляли советские солдаты) покидали родину на своих рыбацких лодках. Это было опасно, и многие погибали. «Но поэтому есть бывшие жители [южных Курил], которые прожили с русскими два полных года, а есть те, кто вообще с ними не жил, и у нас, конечно, за 700 дней сложилось взаимопонимание», — говорит Токуно-сан, и становится понятнее, почему даже у выселенных с родных островов японцев нет к русским видимой неприязни.

В 1946 году началась поэтапная депортация японского населения с Курильских островов. Японцам предлагали стать советскими гражданами и остаться, но желающих не нашлось. «Те, кто сбежали сами, смогли взять с собой имущество, а тем, кто остался, [при выселении] взять ничего не разрешили. Мы оказались в Японии без ничего», — рассказывает Токуно-сан.

Всего к 1949 году с Южных Курил было депортировано около 17 000 японцев (с Хабомаев — 5200 человек, с Кунашира — 7300, с Итурупа — 3500 и с Шикотана — 1000). Большинство из них оказались в Немуро, который в конце войны полностью разбомбили американцы.

Северные территории

Город Немуро — центр движения за возвращение островов, здесь живет большинство бывших жителей спорных островов. На крыше очень советского на вид здания мэрии Немуро висит большой плакат с русской надписью: «Северные территории — исконно японская земля».

Продолжение материала Ильи АЗАРА —
СТРАНИЦА 12–13 ➔

В 70-х годах на мысе Носаппу (относится к округу Немуро) построили посвященный проблеме Северных территорий музей. Его прозвали Домом памяти о родине. «В 1972 году американцы вернули нам Окинаву, с США все наши проблемы разрешились, и у Японии осталась только одна территориальная проблема. Чтобы люди узнали о ней подробнее, мы и построили музей на пожертвования бывших жителей Северных территорий», — рассказывает директор музея Хидэо Оадзима.

«Северными территориями» японцы называют острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. В отличие от России, в Японии не считают их частью Курил. Так же кардинально различаются взгляды двух стран как на историю островов, так и на то, кому и почему они должны принадлежать.

Оадзима-сан подводит меня к копии карты, которую в 1644 году составила экспедиция управлявшего тогда Хоккайдо клана Мацумаэ. Правда, даже сам Хоккайдо на ней совершенно не похож сам на себя (рисовали карту на основании слов айнов, коренных жителей северных японских островов). Рядом фотография деревянного столба, который в 1798 году японцы поставили на Итурупе.

В России утверждают, что Южные Курилы еще в 1778 году вошли в состав империи, когда экспедиция И. Антипина привела в подданство больше тысячи айнов. Однако до середины XX века русские поселенцы там не появились. «Для Японии не было никакой необходимости открывать эти острова, находящиеся на кратчайшем расстоянии от нее и видимые с Хоккайдо невооруженным глазом. Япония раньше всех управляла этими островами», — безапелляционно говорит в брошюре посольства Японии в России от 1992 года.

«В ходе реставрации Мэйдзи в 1868 году (ликвидация сегуната и восстановление императорской власти в Японии. — И. А.) мой прапрадедушка потерял работу самураем. Правительство отправило его на Итуруп и Кунашир. У него было 8 детей, и на всех еды не хватало, поэтому мой дедушка перебрался в Немуро», — рассказывает мне историю своей семьи бизнесмен из Немуро Дзюньити Сато.

Оккупация или освобождение

В 1855 году был заключен первый японо-русский договор — Симодский трактат. Он проводил границу между двумя империями по острову Итуруп, то есть все Северные территории официально получала Япония. Впоследствии Япония только увеличивала свою территорию — в 1875 году в обмен на Сахалин она получила все Курильские острова, а после Русско-японской войны в 1905 году ей достался и Южный Сахалин.

В России считают, что историческая принадлежность островов не так уж и важна, потому что японские милитаристы потеряли Курилы в результате Второй мировой войны и как проигравшая сторона (да еще и союзник Гитлера) не имеют на них никаких прав. В Советском Союзе о японской позиции населения вообще не сообщали, называя требования японцев «незаконными посягательствами на советскую территорию».

Японцы же видят события 1945 года совсем иначе. Во время Второй мировой войны между СССР и Японией действовал пакт о нейтралитете, и Токио его придерживался, хотя вполне мог открыть второй фронт и сильно, если не фатально, осложнить положение Советского Союза. «9 августа, в день атомной бомбардировки Нагасаки, СССР вступил в войну против Японии. 14 августа Япония капитулировала перед союзными державами, но в ре-

зультате переговоров с союзниками Сахалин и Курильские острова подлежали оккупации советскими войсками. Оккупация Северных территорий была совершена бескровно после прекращения военных действий и, следовательно, подлежала прекращению в результате территориального урегулирования по мирному договору», — говорится по этому поводу в брошюре японского посольства.

— У меня многие туристы спрашивают, зачем же Россия напала на нас, когда война уже кончилась? — говорит директор Музея Северных территорий.

— В России есть общее мнение, что острова отошли России в результате войны, но это не так. Поэтому в Японии никогда не говорили о передаче островов, всегда только о возвращении. Но в России об этом знают? Когда россияне спрашивают о «передаче островов», то, конечно, они против. Но думаю, никто в России и не знает, почему Япония требует именно возвращения», — сетует Такеши Осима, переводчик, часто работающий на переговорах на высшем уровне.

«Когда человек умирает, то остается на земле в качестве духа и в праздник бон в августе может общаться с родственниками. Но для этого те должны прийти на могилу с жертвоприношениями. Для японцев, если ты не приходишь на могилу, то предаешь своих родственников», — объясняет Анна.

На Северных территориях, по словам директора музея Оадзими-сан, осталось 52 японских кладбища (многие были уничтожены в советское время). Долгие годы после войны посетить предков в праздник бон японцам было невозможно. Первое (и не ставшее регулярным) посещение кладбищ состоялось только в 1975 году, рассказывает родившийся на острове Зеленый Хироси Такеучи.

«Тогда нельзя было свободно перемещаться по островам, три русских солдата следили, кто куда пошел и чем занимается. А посетить Зеленый остров было особенно тяжело, потому что большой корабль туда не может подойти. С него ваши пограничники на лодках доставляли людей на остров, но, чтобы прыгнуть с корабля на лодку, нужны крепкие бедра и ноги, поэтому старые бабушки и дедушки не могли с этим справиться», — вспоминает он.

Такеучи-сан говорит, что тогда приехавшие на родной остров японцы впервые за 30 лет увидели русских. «Мы не могли наладить контакт и просто стояли и смотрели друг на друга, боялись подойти, но один капитан хорошо знал япон-

« На Северных территориях осталось 52 японских кладбища. Для японцев, если ты не приходишь на могилу, то предаешь своих родственников »

ский и очень нам помог, он поразил нас своей добротой», — говорит он.

С начала 90-х японцы по безвизовой программе посещают 4–5 кладбищ в год. Бывшим жителям, чьи предки лежат на кладбищах, с возрастом все тяжелее ездить на острова, поэтому два года назад японцам разрешили воздушное посещение. «К сожалению, иногда вводят ограничения по посещениям мест захоронения, иногда кому-то вообще не разрешают спуститься на берег», — говорит Такеучи-сан. Он грустно замечает, тыкая пальцем в старую фотографию, что вот эта женщина умерла 9 лет назад, а тот мужчина — 2 года назад.

Указатели в Немуро дублируют на русский язык, чтобы русские моряки не заблудились

Анна АРТЕМЬЕВА — «Новая»

Родина

Бесплодные переговоры

Поскольку послевоенные переговоры между СССР и Японией по разным причинам провалились, то две страны так и не заключили мирный договор. В последние полгода разговор о нем и о статусе Курильских островов резко активизировался. В ноябре 2018 года в Сингапуре прошли переговоры Путина и премьера Японии Синдзо Абэ. В январе последний поклонился на могиле отца, что решил курильский вопрос.

«Абэ — классический японский премьер, из семьи политиков, то есть его предки тоже были премьерами. Он не первый раз руководит страной и очень много всего обещал. Самое главное, на что польстилось огромное число японцев, — это «абэномика», что все будет так же круто, как было до кризиса конца

цев очень важны символические акты. Они не понимают, что если ты с женщиной живешь 10 лет, и у вас трое детей, то вовсе не обязательно жениться. У них без женитьбы не считается», — объясняет она. У России с Японией есть торговые и дипломатические отношения, недавно Япония отменила обязательное приглашение для получения туристической визы. Зачем России отдавать острова, если все и так хорошо?

Обмен без визы

По большому счету Россия проблему Курильских островов для себя решила еще в начале 90-х. В апреле 1991 года президент СССР Михаил Горбачев первым из советских лидеров посетил Японию. Как позже писал он сам, японская сторона настаивала на возвращении островов, на что Горбачев не пошел, но предложил «при наличии разных подходов отразить в итоговом документе какой-то позитив». Под ним президент СССР понимал сокращение воинского контингента на Южных Курилах, совместную хозяйственную деятельность и безвизовое посещение островов гражданами Японии.

Уже через год начались двусторонние безвизовые поездки, дальше которых Россия и Япония в последующие 30 лет так и не продвинулись. «Они были лужны, потому что советские люди, которые жили на островах, думали, что японцы — это камикадзе и самураи, которые делают харакири. Японцы же думали, что советские люди — это страшные оккупанты. Когда они познакомились, пообедали вместе, повеселились, то увидели, что и те, и те — нормальные люди, и подружились», — рассказывает Осима-сан, который работает переводчиком на безвизовых обменах с первого дня.

Он жалуется на проблемы, которые в последние годы стали возникать у японских участников безвизовых обменов. Например, Осиме-сану не разрешают провозить в Россию написанный им разговорник из-за того, что на карте региона в нем названия топонимов дублируются на японский. Три года назад российские

80-х. Но реформа провалилась, и он понимает, что за оставшиеся ему два года дела в экономике он уже не исправит, — рассказывает Анна Жабина. — Он хочет уйти как-то невероятно красиво и выбрал проблему Северных территорий. Здесь ты вроде не до конца ответственный за провал, а в случае успеха можешь остаться в истории».

Чего вообще не понимают в Японии, считает Анна, так это того, что проблемы островов в России на самом деле не существуют. «Они считают, что русские очень сильно хотят заключить мирный договор, потому что сами японцы на месте русских очень бы сильно этого хотели. Для япон-

Переводчик Такеши Осима
на фоне памятника
«Мост к четырем островам»

Анна АРТЕМЬЕВА — «Новая»

И Немного суши

таможенники вдруг вспомнили, что по законам РФ провозить больше 50 килограммов груза на человека нельзя, и отправили обратно учителей, которые каждый год проводили на Курилах занятия по японскому языку. Перевес у них был из-за того, что им приходилось везти с собой все необходимое, включая бумагу и копировальные машины.

Жителям Курил обычно за 4–5 дней показывают несколько японских городов, а каждая японская группа всегда едет на какой-то один остров Северных территорий. Оплачивает безвизовые поездки (как для японцев, так и для русских) японское правительство. Логично предположить, что оно использует этот инструмент для повышения своего влияния и улучшения имиджа на Курилах, но связанные с обменом японцы это отрицают.

— Вы их как-то обрабатываете? Чтобы они в случае референдума проголосовали за Японию?

— Может, так некоторые политики и думают, но мы просто показываем, какая Япония на самом деле. У нас народная дипломатия. Все равно ведь каждый человек любит свою страну, правильно? Обращать бессмысленно, — говорит Осима-сан и тут же говорит ровно то, о чем я спрашивал. — Смысл в том, чтобы они узнали, какие мы люди, и чтобы аллергии не было ни у японцев, ни у россиян на новые события, если будет какое-то [дипломатическое] решение.

Лихие 90-е

Со времен войны Немуро был закрытым для советских граждан городом, но в 1992 году все ограничения сняли. «После этого русские тут толпами ходили, сюда даже начали переезжать японцы из других городов, город здорово поднялся, — рассказывает Анна. — Рухнул СССР, и русские смогли зарабатывать деньги. Поймал рыбу, продал ее в Немуро, получил деньги и пошел в город покупать технику, мебель, лекарства — все, чего не было в России». Жители Кунашира закупали овощи и фрукты, которых на

острове практически не было, брали даже туалетную бумагу.

Русских моряков, которые не знали, как себя вести и куда идти, было так много, что властям Немуро пришлось дублировать на русский дорожные указатели. Немало в городе и торговых вывесок, продублированных на язык северного соседа.

У семьи бизнесмена Сато-сана есть в Немуро магазин лодок и других товаров для моряков. Один из приехавших с уловом морского ежа русский в начале 90-х купил в магазине Сато-сана пару дешевых подвесных моторов, а потом подарил ему шкуру бурого медведя. «Я спрашивал, почему он подарил мне такой дорогой подарок, а он ответил, что у них на Кунашире нет супермаркетов, и все, что он может подарить, — это дары природы», — рассказывает Сато-сан, который с тем русским подружился.

Приезжавшие из России сталкивались не только с языковой проблемой. Были и громадные, порой непреодолимые различия в образе жизни и привычках. «Работа на лодке — очень тяжелая и опасная. Когда русские оказывались на японской земле, то хотели выпить и расслабиться. А выпив, начинали ходить по городу, и от них пахло алкоголем. В Японии же не принято днем пить саке и громко разговаривать. Кроме того, в России, вероятно, есть обычай, что если что-то лежит на дороге, то этим можно пользоваться. Они спокойно брали вещи, но японцы из-за этого относились к русским как к вора», — рассказывает Сато-сан. Начальник отдела по вопросам Северных территорий Тосифуми Ода добавляет, что русские забирали даже собак.

По словам Сато-сана, впечатление от русских было плохое, но для него они, в первую очередь, были клиентами, поэтому он вежливо с ними общался и помогал. «Сейчас имидж русских в Немуро стал гораздо лучше, чем был. Благодаря моим инструкциям и советам», — говорит Сато-сан и шутит, что выглядит гораздо моложе своих 55 лет благодаря дружбе с русскими.

По его словам, в начале 90-х в Немуро приезжало где-то 200–300 русских в год, причем не только рыбаков, которые приходили на старых шхунах. «Некоторые люди выглядели очень эпатажно для Немуро. Черные пиджаки, яркие галстуки, невероятная обувь. Люди, которые занимаются рыбным бизнесом, работают в море, так не выглядят. Это были люди, связанные с мафией или сами мафиози», — рассказывает японец.

По его словам, в советское время японские суда не могли входить в территориальные воды СССР, но это их не останавливало. «Японцы хорошо знали море вокруг Южных Курил, где какая рыба ловится. Якудза приходили к моему отцу, покупали лодки, выходили в советские воды, забрасывали сети и ловили, что нужно. С советскими пограничниками якудза заключили негласное соглашение, согласно которому их не трогали в обмен на японские товары», — рассказывает Сато-сан.

После распада СССР обе мафии прекрасно сосуществовали вместе. Сато-сан знает об этом, потому что в его магазине якудза покупали подарки для российских коллег. «Например, скутеры и снегоходы. А если наш товар ломался на Кунашире, то они прямо оттуда звонили в магазин, чтобы заказать еще один», — говорит японец.

Самым же выгодным легальным бизнесом была перепродажа японских автомобилей и запчастей. В 1996 году морякам и рыбакам разрешили ввозить в Россию за 183 дня пребывания за границей по льготному тарифу. «Часто ввозили машины как запчасти, разбирая джип на две большие части», — вспоминает Сато-сан.

Конец сказки

В 90-е жизнь в Немуро бурлила, торговля с Северными территориями развивалась, безвизовый обмен улучшал взаимопонимание. «На пользу» отношениям пошло и серьезное землетрясение на Шикотане в 1994 году. Японцы тогда моментально (быстрее российских властей) оказали помощь пострадавшим, построили дизельную электростанцию, поликлинику, из Немуро отправляли медикаменты и другую гуманитарную помощь. Поставки лекарств из Японии на Курильские острова, говорят в мэрии Немуро, завершились только в 2005 году.

Но вместе с кризисом 1998 года, когда у русских резко упал уровень благосостояния, начался закат Немуро. К тому же с 1999 года российское правительство последовательно повышало пошлины на японские автомобили, отменило льготы

для моряков, а в 2008 году запретило ввозить машины в разобранном виде. В декабре того года митинг против повышения пошлин на японские машины во Владивостоке разогнал подмосковный ОМОН.

Сейчас Немуро по японским меркам выглядит довольно уныло. Делать из него витрину для приезжающих с Курил россиян правительство явно не собирается. По словам учительницы Анны, молодежь уезжает из Немуро в институты в крупных городах, а дома работать на фермах или рыбных хозяйствах остается примерно треть.

Если в 90-х в Немуро жили почти 50 тысяч человек, то сейчас население уменьшилось вдвое — многие дома и магазины стоят заколоченными. Зато в Немуро очень тихо и спокойно, последнее убийство случилось здесь в 1989 году.

Рыбное место

Россия стала причиной расцвета Немуро, но она же его и погубила. Сначала, еще в 1945 году, Япония вместе с островами лишилась окружающего их моря, богатого ламинарией и рыбой. Русские ламинарию практически не ловят, а японцам той, что растет у ее берегов, не хватает. «Немуро окружен морями, здесь рыболовство и переработка рыбы — главное. Город не может развиваться, потому что моря нет!» — сетует директор Музея Северных территорий Одадзима-сан.

В рыболовецкий кооператив Хабомаи, где работает начальником отдела снабжения рынка и продаж Йошитака Судзуки, входит порядка 400 семейств и фирм, которые занимаются выловом ламинарии (она составляет 80% вылова). «Ламинарию начинаем собирать с июня, для чего в апреле отправляем запрос в Москву, чтобы получить разрешение. На сайру и тресковые рыбы оно тоже нужно», — говорит он. Чтобы ловить рыбу в российских водах, японцы платят большие деньги — за сезон около 94 миллиона иен (примерно 54 миллиона рублей).

При этом с 1945 года советские и российские пограничники задержали 9500 японских рыбаков и 24 раза открывали по ним стрельбу, рассказывает Одадзима-сан. Погибло двое — один рыбак, поехавший снять детали с севшего на мель судна в день подписания декларации 1956 года, а другой — в 2006 году, что вызвало в городе большой шум. По словам Судзуки-сана, знавшего погибшего, «судно, в которое стреляли, действительно зашло в район, где не имело право находиться, погнавшись за длинным рублем, но стрелять по безоружным неправильно».

В последние пять лет Россия ужесточила борьбу с браконьерами, и японские власти ей в этом помогли. По словам Ода-сана, количество судов, приходящих в Немуро и другие японские порты, резко уменьшилось именно из-за борьбы с браконьерами.

— Японские власти совместно с российской властью борются с ними, и японская таможня начала очень четко проверять все документы, и суда без официального разрешения уходят в Китай, Корею, — говорит он.

По его просьбе мне приносят статистику — если в 1992 году в порт Немуро зашло 457 судов, а в 1999 году — 1774 судна, то в 2016 году уже только 387.

— С точки зрения преступности стало гораздо лучше, но сократилось количество работы для моих людей, да и стоимость морепродуктов резко возросла, — вторит представителю мэрии Судзуки-сан из кооператива.

— Но это правильно или нет?

— Лично мне хотелось, чтобы было больше рыбы. Я выбираю экономику и меньшее госрегулирование.

Русский еж

Страдают от действий России и русские, живущие в Немуро. Всего их здесь несколько десятков. Например, Максим Волков живет здесь с 90-х годов, занимается агентированием, работает на компанию, которая связывает судовладельца с таможней, пограничниками и карантинном, помогает с ремонтом, снабжением и всем остальным.

Работы в последние годы у него из-за уменьшения количества российских судов поубавилось. И хотя возвращаться на родной Сахалин Максим пока не собирается, ребенка хочет на всякий случай отдать в российский университет. «Я половину жизни прожил здесь, друзей здесь у меня гораздо больше, чем в России. И я ловлю себя на мысли, что здесь, когда у меня прорывается труба, то я звоню другу, и он приходит ее и чинит, даже если меня дома нет. Здесь отношение к людям гораздо лучше, чем у нас», — рассказывает Максим.

При этом японский взгляд на курильский вопрос его позицию за 20 лет не изменил: «Япония была союзником фашистской Германии, так что мы на правах победителя забрали острова. Они изначально были русские, а в Ялте право подтвердили США и Великобритания». Правда, потом задумчиво добавляет: «Правда, когда встанешь на мысе Носаппу, поневоле задумаешься...», но сразу поправляется: «Но на другой стороне уже по-другому думаешь».

По словам Максима, квоты по Южным Курилам сейчас есть только на морского ежа. «Минтай, треска к ввозу запрещены, по королевскому крабу квота всего 120 тонн. Дрифтерный промысел нерки был запрещен, хотя раньше Немуро за счет этого жил. Теперь народ уезжает, ведь осталась только сайра», — говорит он.

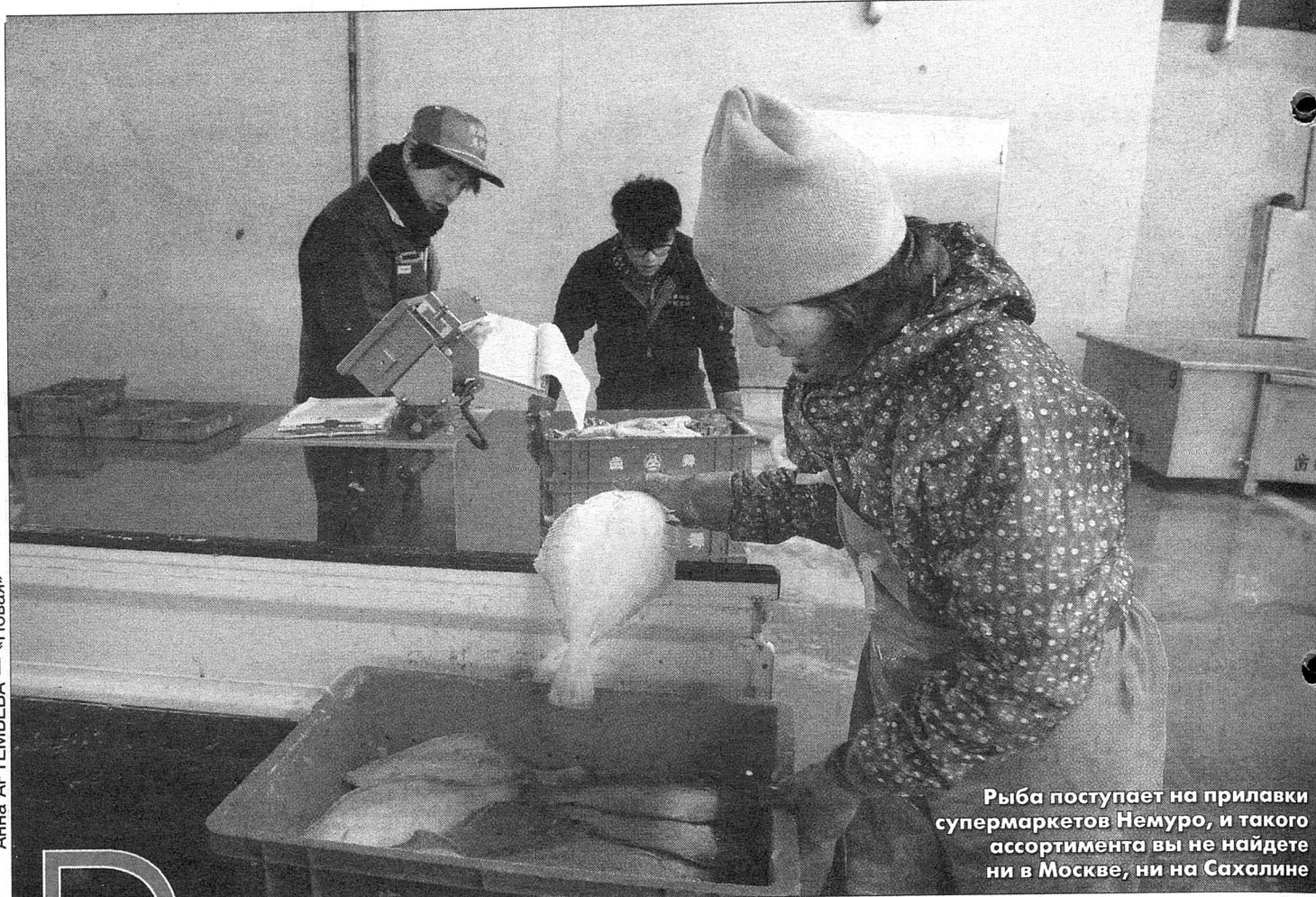
«Еж — популярный ингредиент для суши, и на востоке Хоккайдо (в том числе на Северных территориях. — И. А.) — самый вкусный еж, мы называемый его «лошадиным пометом», — говорит бизнесмен Сато-сан. По его словам, привозить в Немуро морского ежа русским подсказали якудза, когда поняли, что в России его не едят.

Морской еж живет на мелководье, а собирать его можно только с использованием аквалангистов. «На поставку в Японию есть лимиты, и перед отправкой на экспорт нужно зарегистрировать количество ежа. Русские не хотят платить налог своему же государству, поэтому транспортные суда все время находятся в море, с помощью маленьких лодок собирают ежа и перегружают его на транспортное судно. Это очень тяжелая работа, эти люди обычно возвращаются домой только на Новый год. Тогда к ним приходят российские бюрократы и спрашивают, сколько ежа они поймали и продали, на что русские рыбаки врут. Бывает, что их арестовывают, но главная проблема, что для добычи ежа недостаточно акваланга, нужен воздушный провод, и часто люди гибнут, когда неожиданно возникают суда с чиновниками и нужно быстро уплыть. С мертвыми людьми корабли прибывают в Немуро», — рассказывает Сато-сан.

В порту Немуро Ханасаки до сих пор много надписей на русском языке, но только одно судно. На причале рядом со «Спокойным» стоит велосипед. Несмотря на снег и гололед, боцман Леонид только что вернулся на нем из города, ездил за суши.

Боцман работает в море уже 30 лет и просит не забывать про первую букву названия судна и не называть его «Покойным», а потом показывает на телефоне фотографии с Шикотана. Он уже 8 месяцев на корабле, который перевозит ежа, ходит в море и обратно в Немуро.

— Если Курилы отдать, то американцы свое мурло сюда засунут сразу. А я не хочу, чтобы под моим боком были ракеты, — говорит Леонид.

Рыба поступает на прилавки супермаркетов Немуро, и такого ассортимента вы не найдете ни в Москве, ни на Сахалине

Родина и немного суши

— Так они и так неподалеку, на Окинаве, — напоминаю я.

— Да, но мы бомбы не кидали. Американцы бросили, а они их лижут. Отдавать острова никак нельзя. Те люди, которые полегли, в могилах пусть лежат, и тфу на них или как? За что они лили кровь? А 1904 год вы простили? «Варяга» и «Корейца» простили? Я на флоте отслужил, и я — нет, не прости.

Боцман Леонид не зря ездил в город за суши, ведь Немуро — это японская столица морепродуктов. Ассортимент рыбных отделов в супермаркетах Немуро поражает. Такого разнообразия нет ни в Москве, ни в Южно-Сахалинске, ни тем более на Курилах. Из российской продукции тут морской еж, нерка и икра минтая. «Раньше мы писали, что это производство четырех островов, но власти заставили указывать, что это импортная рыба из России», — рассказывает начальник рыбного отдела Акихико Миура.

— Не смущает, что рыба из России, а с ней есть территориальный конфликт?

— Нет, почти весь еж, который производится в Японии, добывается в водах Южных Курил.

— Выходит, бизнес важнее политики?

— Конечно. Наши покупатели покупают. И если выложишь морского ежа из другого региона, они не покупают. То же самое с вашей неркой и икрой минтая. Нерка бывает американская, но если рядом ставим с русской, то берут только русскую.

В Японии не знают

Хотя в Японии, по словам учительницы Анны Жабиной, про территориальную проблему написано в каждом учебнике, на праздновании выступила школьница и рассказала, что в Токио среди ее сверстников мало кто знает о проблеме Северных территорий. «Молодое поколение должно об этом знать, и поэтому наша обязанность рассказывать. Я выражаю свою решимость работать в этом направлении», — сказала она.

Оказывается, в Японии до сих пор далеко не все в курсе территориальной проблемы с Россией, а особенно ее сути. «Не все японцы об этом знают, особенно молодые, особенно живущие не на Хоккайдо. 7 февраля СМИ по всей стране говорят о ней, но в остальные дни молчат», — жалуется Сатоши Йонея. Его мать родилась на острове Юрий, и он состоит в движении за возвращение Северных территорий, которое пытается заинтересовать проблемой всю Японию.

— И как успехи? — интересуюсь я.

— Никак, абсолютно unsuccessfully, — смеется Йонея-сан. — Больше 70 лет не двигается этот вопрос с мертвой точки, а хочется хоть немножко продвижения вперед. Уже через десять лет никого из бывших жителей может не быть в живых.

— Тогда будет сложнее внутри Японии поднимать проблему?

— Да, потому что для бывших жителей это своя проблема, для них острова — это родина. Для остальных — нет.

— То есть России надо потянуть время еще 10 лет, и проблема сама рассосется?

— Мы постараемся, чтобы такого не случилось, — отвечает Йонея-сан и почему-то смеется.

Во время моего разговора с директором Музея Северных территорий в здание зашел мужчина с огромным туристическим рюкзаком за плечами. Он посетил туалет, немного передохнул, а на экспозицию даже не взглянул. Выяснилось, что он работает диджеем, а сейчас в одиночку пешком огибает Хоккайдо, для чего и пришел на мыс Носаппу.

— А вы вообще знаете, что это за место? Есть какое-то отношение?

— Мне просто надо по периметру обойти. Особого отношения у меня нет. Такое же, как у обычного японца.

— Но вы бы хотели, чтобы острова вернулись?

— Это трудный вопрос! Если бы я знал правильно историю и убедился, что это именно японские острова, то надо вернуть. Но я сам еще не изучил историю.

— Так вот же музей — можно изучить! — говорю я и указываю на здание за его спиной. Диджей пропускает мое замечание мимо ушей: «Я не знаю, где правда. Япония говорит одно, Россия — другое, и кто говорит правду, я еще не разобрался». После Хоккайдо он хотел бы отправиться в пешеходное путешествие по Антарктиде, Арктике и России.

В мэрии Немуро мне рассказали, что число посещающих мыс Носаппу туристов падает. Как и интерес японцев к теме Северных территорий. «Слишком много времени прошло, пока не решается проблема», — говорит Ода-сан. Пик, по его словам, был несколько лет назад, когда в Японию приезжал Путин (тогда Носаппу посетили 250 тысяч туристов). В 2017 году здесь было 160 тысяч (в 2016 году — 141 тысяча).

— А в России думают, что все японцы не могут спать спокойно, пока проблема не решится, — удивляюсь я.

— Хотелось, чтобы японцы стали такими, — отвечает он и грустно улыбается.

Илья АЗАР, спец. корр. «Новой»
Немуро-Саппоро